

УДК 821. 111

*И.В. Морозова***ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В АМЕРИКАНСКОМ ЖЕНСКОМ ТРАВЕЛОГЕ XVII–XVIII ВЕКОВ**

В статье предпринимается междисциплинарное исследование травелога как первого национального жанра в литературе США, в котором постулируются существенные для американской картины мира концепты, определяются доминантные темы и образы американской литературы. Материалом исследования послужили дневники женщин-путешественниц XVII–XVIII вв. – М. Роуландсон, Э. Эшбридж, С. Найт и Э. Трист, – где важным лейтмотивом становится процесс самоидентификации индивидуума в новых социальных, природных и культурных реалиях. Физическое перемещение в пространстве воспринимается как передвижение метафизическое, в результате которого происходит духовный рост.

Написанные представительницами различных социальных кругов и в разное время становления национальной истории, травелоги американских женщин демонстрируют существенную общность в их отношении к описываемому материалу, где отправной точкой в восприятии новых реалий является оппозиция Цивилизация / Дикость – одна из центральных оппозиций в процессе создания американцами картины мира, а Природа становится предметом освоения, экспансии.

Ключевые слова: литература США, травелог, женская литература, самоидентификация.

Нет сомнений в том, что жанр путешествия занимает особое место в процессе становления литературы США. По сути это первый национальный жанр, зарождающийся одновременно с освоением переселенцами новых земель и становлением колоний на американском континенте. Записки и дневники первопроходцев – будь то искатели приключений, как капитан Джон Смит или взявшие на себя бремя избранничества пуритане, как Уильям Брэдфорд – не только документировали новую реальность, но и придавали этой реальности новое содержание и новые смыслы.

Давно замечено, что травелог сыграл важную роль в становлении собственно американской модели литературного творчества. Присущий этому жанру синкретизм предоставлял необходимые возможности для всестороннего отражения процессов как освоения нового континента, так и самоидентификации личности в условиях новой географической и социальной реальности.

Своеобразие исторического развития Северной Америки от колоний к независимой республике со свойственной этому развитию географической экспансией во многом отразилось на процессе формирования национального характера и сказалось на специфике национальной ментальности в целом. Не будет преувеличением сказать, что, путь, дорога становятся одними из самых частотных и художественно значимых топосов, составляющих доминанту и пространственной картины мира, и процесса самоидентификации индивидуума в американской литературе.

До 70-80х гг. XX столетия изучение хроник американских путешествий велось на материале записей, сделанных мужчинами, отцами-пилигримами или отцами-основателями. Однако в связи с начавшейся в последние десятилетия XX в. переоценкой ценностей и пересмотром канонов в русле становления гендерных исследований, в поле зрения американистов оказались многочисленные женские записки, долгое время остававшиеся в маргинальном положении по отношению к признанным образцам мужской словесности XVII–XVIII вв.

Так, в 1990 г. вышла книга «Путешествия в новых мирах» (*Journeys in New Worlds*), где под одной обложкой представлены четыре разные по своему характеру, написанные в разное время в XVII и XVIII вв., женские повествования. Редакторы этого издания, сознательно избегая точного жанрового определения отобранных текстов, в подзаголовке обозначили их как «ранние повествования американок» [1].

Строго говоря, книга объединила образцы трех жанров: так называемого повествования о пленении (captivity narration) «Пленение и возвращение Миссис Мэри Роуландсон» (*A True History of the Captivity and Restoration of Mrs. Mary Rowlandson*) (наиболее, пожалуй, известное произведение американской женской словесности XVII в.), духовной автобиографии «Перед началом новой жизни Элизабет Эшбридж» (*Some Account of the Fore Part of the Life of Elizabeth Ashbridge*), и собственно травелога – «Дневника Мадам Найт» (*The Journal of Madam Night*) и «Дневника путешествия Элизабет Хауз Трист: из Филадельфии в Натчез, 1783-84» (*The Travel Diary of Elizabeth House Trist*). Одна-

ко общность этих повествований как жанра путешествия очевидна: это повествования о пути, духовном или физическом, проделанном женщинами на заре формирования нации. Эти путешествия, не всегда совершенные по своему собственному желанию, как это было в случае с Мэри Роуландсон, тем не менее, отразили специфические черты становления складывающейся новой общности людей, где индивидуальное путешествие является одновременно и инвариантом пути, совершаемого нарождающейся нацией. В каждом из них присутствуют темы, образы, проблемы, отражающие тот особый дух пионерства, который является специфически американским по своей сути.

«Повествование о пленении» Мэри Роуландсон – это самый непосредственный отклик на события войны с индейским вождем Королем Филиппом в 1675 г. Формально, как уже указывалось, его нельзя отнести к травелогу, однако обращение к этому повествованию дает возможность обнаружить доминантные темы и тропы американского жанра путешествия.

Повествование разбито на «переходы» (remove), что с одной стороны, соответствует действительному перемещению в пространстве (Мэри вместе с взявшими ее в плен индейцами передвигается по территории Новой Англии), а с другой, «remove» в церковной фразеологии означает ступень в ряду испытаний, выпавших на долю верующей души. Синкретизм повествования очевиден – это, с одной стороны, дневник вынужденной, правда, но все же – путешественницы, а с другой – это исповедь о становлении истинной веры через испытания.

На это указывает полное название этих записок: «Могущество и милосердие Господа в исполнении Его предначертаний. Повествование о пленении и избавлении миссис Мэри Роуландсон, рассказанное ею для тех, кто хотел бы узнать о проявленном к ней милосердии Господнем. Для ее дорогих детей и родственников. ... Написано ею собственноручно для себя и ныне опубликовано в ответ на настойчивые просьбы друзей, а также тех, кто пострадал подобно ей ... Видите ныне, что это Я, Я – и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю; и никто не избавит от руки Моей» (Втор. 32: 39)» [1. Р. 27].

Основное место в повествовании отводится страданиям духа и тела под тяготами плена, унижениям и бедам, постигшим женщину, которая, тем не менее, усматривает в них путь постижения справедливости Господней. Итог ее странствований и испытаний заключается в том, что: «Господь показал мне суетность и тщетность внешнего мира; дал понять, что это суета сует и смятение духа, что все это преходящее – всего лишь тень, порыв ветра, мыльный пузырь. Мы должны полагаться только на Господа, и полагаться во всем. ... Я научилась смотреть выше сиюминутных, малых бед и успокаивать себя словами Моисея: «... Стойте и увидите спасение Господне...» <Исх. 14: 13.>» [1. Р. 65].

В повествовании Мэри Роуландсон, таким образом, четко воспроизводится как религиозная составляющая новоанглийского колониста, так и Я-концепция американки, стойко воспринимающей жизненные испытания, способной выстоять в любых, самых тяжелых, жизненных обстоятельствах.

Кроме того, описания индейцев, их быта являются не только ценным этнографическим материалом, но и демонстрируют становление характерной для американского сознания бинарной оппозиции Дикость/Цивилизация, выраженной в данном случае оппозицией Язычество/Христианство, что, безусловно, характеризует автора повествования как истинную пуританку.

Повествование о пленении, как видим, удачно сочетает жанровые признаки духовной биографии и собственно травелога. Женские повествования XVIII столетия отличаются большей жанровой самостоятельностью, хотя главным мотивом по-прежнему остается изображение процесса самоидентификации американки, развивается образ стойкой женщины, стремящейся к пониманию своего места в мире и призвания.

Так, в традиции духовного путешествия написана автобиография Элизабет Эшбридж, ирландки, проделавшей путь на Американский континент в поисках собственного «Я» (1775). В автобиографии изложены основные обстоятельства жизни Эшбридж: ее короткое семейное счастье, когда, послушавшись отца, она вышла замуж в возрасте четырнадцати лет по любви, однако через пять месяцев счастливой жизни потеряла «сокровище своей души» («Darling of my Soul»). Не прощенная отцом, она предприняла отважный шаг – поступила на службу к англичанину, отправившемуся в колонию, там вышла вторично замуж за грубого, сурового человека, всячески препятствовавшего развитию ее религиозного чувства, женившемуся на ней, по ее собственному признанию, исключительно за ее «умение танцевать». Вторично овдовев, она вышла замуж в третий раз за доброго, честного христианина, с которым нашла покой и осуществила свое неиссякаемое желание стать квакером-проповедником, желание, превратившее ее повествование в страстную исповедь мятущейся души, в исследование божественного призвания и того пути, который указывает Провидение.

Автобиография Элизабет Эшвуд – образец интроспективного повествования с непрерывным самоанализом, где глаза повествователя обращены «зрчками в душу». Основным мотивом повествования является мотив «Другого», ищущего свой собственный путь к обретению духовной гармонии. Неслучайно она использует библейскую аллюзию на Моисея, называя себя по прибытии в Америку «пришельцем в чужой земле» («A Stranger in a Strange Land»).

Путь Элизабет Эшвуд к освобождению от ложного учения (пуританизма), и к обретению истинного Света (квакеризм) сопряжен с испытаниями, отдаленно напоминающими и 10 казней египетских (муж заставляет танцевать, не пускает на собрание Друзей и т. д.), завершающихся мыслями о самоубийстве, после чего начинается своего рода Исход: через покаяние, через встречи с квакерами, она обретает, наконец, свое призвание, и становится проповедником квакерской общины, ведущей активную миссионерскую деятельность.

Поскольку все внимание сконцентрировано на внутреннем состоянии, то внешним обстоятельствам, не имеющим отношения к пути испытаний души, автор не уделяет вообще никакого внимания. Поэтому естественная для классического травелога рефлексия, связанная с восприятием новых реалий (будучи миссионером, Элизабет Эшвуд, без сомнения, много путешествовала по американским поселениям), не находит места в повествовании.

Тем не менее, автобиография Эшвуд – это еще один документ становления американской нации, свидетельство мужества и целеустремленности американской женщины, стремящейся к тому, что она понимает под «счастьем», то есть к тому, что является одним из принципов новой нации, чуть позже зафиксированному в «Декларации независимости».

Этот же образ нестигаемой, храброй женщины, во многом не укладывающийся в стереотипный портрет того времени – праведной домохозяйки, создается и в собственно травелогах, – повествованиях о путешествиях, совершенных по американскому континенту. Травелоги Сары Найт и Элизабет Трист разделяют 80 лет: один написан в самом начале XVIII столетия, в 1704 г., еще в английских колониях, а последний автор начала писать через три месяца после окончания Войны за независимость, то есть уже в США. Характер этих записок, собственно, и определяется историческим контекстом, с одной стороны, так и личностью их создательниц и целью предпринятых ими путешествий, с другой.

Сара Найт совершила свое небольшое по нынешним временам путешествие (154 мили) из Бостона, штат Массачусетс в Нью-Хейвен, штат Коннектикут, за два месяца. Целью этого путешествия было желание помочь овдовевшей сестре устроить ее дела. Сама мадам Найт была замужем, имела пятнадцатилетнюю дочь. Тот факт, что она решилась на путешествие в одиночестве, оставив дома дочь и престарелую мать, не дождавшись мужа из его деловой поездки, свидетельствует о совершенно неординарном характере этой женщины, решившейся на путешествие вопреки соображениям безопасности.

Оставленные ею записки – изумительный образец формирующейся светской культуры в английских колониях, это дневник, автор которого наделен несомненным даром рассказчика и исключительным чувством юмора. Ее записки лишены цели передачи какого-либо знания или характерного для большинства дневников ее современниц фиксирования ступеней духовного возмужания. Создается впечатление, что они написаны исключительно ради развлечения близких и знакомых и нарочно противопоставлены «серьезности» традиционных записок новоанглийских пуритан.

Самоирония и юмор – отличительная черта записок Сары Найт. Так, например, ее собственные страхи постоянно становятся предметом иронического снижения описаний. Например, говоря о своем состоянии, возникшем после предупреждения проводника о трудном речном переходе, она уточняет: «И не было у меня иных мыслей, кроме мыслей об опасной реке, которые занимали мое воображение и (...) мучили они меня разными черными картинами моей приближающейся судьбы – то видя себя утопающей, то уже утонувшей, и наилучшей среди них была картина только что окрестившейся сестрицы в мокром одеянии» [1. Р. 92]. Здесь ее самоирония является одновременно и иронической реакцией на распространившийся в местах обитания Рода Айленде, через которые Найт путешествует, баптизм с принятым в нем погружением в воду хрупкого тела при обряде крещения.

Трудности путешествия и усталость Сара Найт также скрывает за ироническим описанием: «Деревья и кустарники неприязненно приветствовали нас ударами своих ветвей, на которые мы наткнулись в кромешной тьме (...) и мой проводник (...) оставил далеко позади себя мои уставшие кости...» [1. Р. 93].

Особого внимания заслуживают также не лишённые юмора бытовые зарисовки автора травелога: прежде всего, таверн или мест для ночлега, их хозяев и постояльцев. Так, например, описание одной из ночевок вполне могло бы послужить предтечей твеновских юмористических рассказов: «Я не смогла заснуть из-за криков пьянчуг в соседней комнате, которые затеяли громкие дебаты относительно названия их местности – Наррагансет. Один говорил, что это название дали индейцы в честь выросшего здесь медведя небывалой силы и величины, которого индейцы зовут Наррагансет (...) Его соперник настаивал на том, что это имя весны, которая может быть такой, как холодное лето или жаркая зима, название и произошло от холода и жары (...) И доказывал он это таким рычащим голосом и такими громовыми ударами своих кулаков по столу, что они просто пронзали мою голову» [1. Р. 95].

Свое возмущение она выразила в тут же сочинённом стихе, в котором обратилась к сильнодействующему рому с просьбой «затуманить их сознание» и «заставить замолчать их языки», чтобы она могла хоть немного отдохнуть.

Записки мадам Найт убедительно показывают сдвиг от строго эмблематичного пуританского религиозного мышления к светскому, отмеченному эстетическими категориями. В этом смысле симптоматично описание ночной природы и вида, открывшегося усталой путешественнице с вершины холма: осиянные светом «сказочной планеты» Луны деревья приобрели невыразимую красоту, и вызвали в ее воображении видение чудесного города с прекрасными церквями и домами, украшенными галереями и балконами. Восторг Найт находит свое воплощение в тут же созданном ей стихотворении о призрачном прекрасном городе.

Под пером мадам Найт природа утрачивает свою функцию служить исключительно эмблемой Божьего Промысла, приобретая эстетическую ценность. При этом природа в восприятии Найт амбивалентна – она и дикая, вызывающая тревогу и страх (ветви, царапающие лицо), и прекрасная, когда путешественница воспринимает пейзаж на расстоянии (на холме эти же ветви с просвечивающим сквозь них лунным светом образуют необыкновенно изящный узор).

Как и во всяком рассказе о путешествии, являющемся отчасти актом самоидентификации, встречающиеся путешественнице новые реалии воспринимаются ею через известную оппозицию Свой/Другой, где область «Своего» определяется образом родного Бостона и жителей Новой Англии. Поэтому Нью Йорк, например, представлен через сопоставление с Бостоном: дома хорошие, каменные, но не похожи на бостонские и не такие опрятные, в каминах нет откосов, как принято в Бостоне и т.д.

«Другой» человек по большей части у Найт не окрашен негативно, он не такой, как бостонец, но не чужой. В качестве «Другого» и даже «Чуждого» здесь выступает по сложившейся традиции индеец, или Дикарь, как собственно и называет его Найт. Так, она поражена количеством индейских поселений в Нью Хейвене (к тому времени новоанглийские пуритане уже успели разделаться с большинством племен – последним самым кровопролитным побоищем была уже упомянутая война с королем Филиппом), поэтому мадам Найт, вероятно, до своего путешествия и не подозревала о многообразии индейских племен, что объясняет ее отношение к индейцам Коннектикута: «самые дикие дикари из всех, которых мне когда-либо приходилось видеть: и ничего здесь не делается (...) для того, чтобы переделать (make otherwise) их» [1. Р. 100].

Фраза сама по себе весьма примечательна: даже у такого персонажа, как Найт, как видно, далекой от пуританского ригоризма, проявляется истинно пуританское стремление переделать по образу и подобию своему все, что не похоже на принятое и понятное ей.

Вместе с тем у Сары Найт нет страха перед индейцем, они для нее – часть дикой, неосвоенной и еще нецивилизованной природы, лишенной враждебности: во многом это объясняется тем фактом, что первое десятилетие XVIII в. – относительно спокойный период сосуществования индейцев и колонистов (разгром короля Филиппа, конец так называемых Бобровых войн в 1701г.).

Иное отношение к индейцам и к природе в целом формируется на страницах путевых заметок Элизабет Трист, совершившей длительное путешествие в 1215 миль из Филадельфии в Натчез. Ее вояж длился шесть месяцев, из которых четыре, с января до мая, она оставалась на зимовке в Питтсбурге, поскольку сухопутная дорога закончилась, но река Огайо была еще не судоходна.

Путевые заметки Трист имеют особое значение. Это ни в коем случае не рефлексия праздной путешественницы по ходу своего передвижения. Это записи, созданные с особой общезначимой для молодого государства целью – дать предельно точное описание пограничной территории, установленной после парижского мира 3 сентября 1763 г. Американские исследователи утверждают, что «Дневник» Элизабет Трист – первое в американской истории детальное описание фронта, одного

из важных специфически американских социокультурных явлений, во многом сформировавших национальный характер.

Элизабет Трист отправилась в путешествие в декабре 1783 г, всего через несколько месяцев после подписания мирного договора, с целью встретиться с горячо любимым мужем, уже длительное время занимавшимся покупкой земель на территории французской Луизианы. Однако известно, что до поездки она разговаривала с Томасом Джефферсоном, часто гостившим в их семье, когда он приезжал на заседания Американского философского общества. Похоже, что именно Джефферсон, в 1781 г. закончивший свои «Заметки о штате Виргиния» и инициировавший знаменитую экспедицию Льюиса и Кларка в 1803 г., предложил своей доброй знакомой описать до той поры еще мало известные пространства.

Эта просьба, собственно, и определила характер травелога Элизабет Трист. По существу, это первое в истории американской словесности произведение, в котором зафиксировано начало экспансии на Запад, затянувшейся почти на столетие.

Записи в дневнике велись ежедневно, как во время сухопутной, так и речной дороги. Элизабет Трист скрупулезно фиксирует длину, глубину и ширину каждой реки и уточняет места впадения притоков, обращая внимание на высоту берега и форму береговой линии. Постоянно указывает на качество земли с точки зрения ее плодородия, описывает доступную ее взгляду фауну и флору бассейнов двух великих рек – Огайо и Миссисипи. Создается впечатление, что все природные богатства словно вносятся в реестр государственных владений. Природа, таким образом, явно становится предметом не тайных знаний или только эстетического наслаждения, но утилитарным предметом обладания и освоения.

Ее дневник – источник ценнейших сведений и о природном ландшафте еще пока незнакомой пограничной части нового государства, и о той форме жизни, которая, собственно, зовется фронтиром. По дороге ей довелось встретить представителей разных национальностей – англичан, французов, испанцев и «американцев». Интересно, что само слово «фронтир» еще заключено Трист в кавычки. Это, во-первых, свидетельствует о том, что это слово пока еще не стало общеупотребительным, как это было уже во времена Кревкера, отстаивающего это название для жителей новой республики. Во-вторых, представляется, что Трист проводила четкую грань между «американцами», жителями бывших тринадцати колоний, и другими жителями, занимавшими территории за границами нового государства. Трист подробно описывает быт всех поселений, основные занятия их жителей – охота, рыболовство и земледелие. Эти описания далеки от идиллических повествований того же Кревкера: Трист видит, что обитатели берегов Огайо и Миссисипи чрезвычайно враждебны по отношению друг к другу и ведут постоянную борьбу за выживание. Весьма убедительно Трист показывает нищету многих семей на фронтире. Так, например, ее поразила семья, в течение трех месяцев не видевшая крошки хлеба и уже успевшая похоронить умершего от голода младшего сына, что безусловн, не могло не вызвать ее искреннего сочувствия: в Филадельфии у нее остался единственный сын.

Автору, безусловно, не удастся выдержать отстраненный, безличный стиль естественно-научного описания, в большей степени характерный для записок того же Джефферсона или позднее – Льюиса и Кларка. Сквозь перечисления «дикинов нового света» явно проступает облик храброй женщины, с невероятным трудом переносящей длительное и опасное путешествие, временами испытывающей тяжелейшую депрессию от переносимых физических страданий. Чего стоит только постоянно повторяющееся в начале текста записок сообщение о том, что москиты не дают выспаться, а через несколько дней сменившееся на скупое замечание: «Москиты так искушали и истерзали меня, что жизнь мне почти в тягость» [1. Р. 227].

Говоря об одном из сложных речных переходов, она признается, что совершенно не представляла, насколько опасным будет путешествие. При этом страхи перед опасным переходом по реке усугублялись и страхами перед возможным нападением индейцев. Индейцы, защищавшие свою территорию в северо-западном направлении от Огайо, часто нападали на путешественников. Собственно, до очередной так называемой Северо-западной индейской войны (1785–1795 гг.) оставалось два года, так что дух вражды был явно ощутим, что и передается в описаниях индейцев, превратившихся из «Других» в опасных «Чужих». Отсюда автор записок испытывает постоянный страх: ей кажется, что появится неизвестная лодка из темных кустов на берегу, где могут притаиться индейцы, она испытывает ужас от мелькнувшего за поворотом смуглого тела, принадлежавшего, как стало известно позднее, французскому поселенцу. Тем не менее, надо отдать должное Трист, которая, преодолев страх, с

искренней симпатией помогает индейской семье провизией, заботливо прикрывает голову ребенка своим платком.

В целом, травелог Трист, несмотря на совершенно отличную от предыдущих повествований цель, связан с ними общей традицией изображения женщины в процессе преодоления ниспосланных ей трудностей. В повествовании о путешествии создается национальная концепция американки, стремящейся к достижению цели через целый ряд испытаний.

В сущности, женский травелог представляет собой его традиционную форму, которая содержит документальный рассказ о путешествии, с явной рефлексией повествовательницы на новые реалии и события. Физическое перемещение в пространстве сопряжено также и с передвижением метафизическим, в результате которого происходит своего рода духовное взросление.

Написанные представительницами различных социальных слоев в разное время становления американской национальной истории травелоги демонстрируют существенную общность в отношении к изображаемому материалу. Восприятие новых реалий базируется у их авторов на одной из центральных оппозиций, утвердившихся в процессе создания американцами картины мира – на оппозиции «Цивилизация – Дикость». Природа для создательниц травелогов становится объектом освоения и экспансии. В травелогах представлены важнейшие особенности становления американского национального сознания и факторы, сформировавшие национальный американский характер, позволяющие рассматривать способность человека к преодолению трудностей как основу духовного совершенствования.

* * *

1. Journeys in the New Worlds / Ed.by W.L. Andrews, S.Bush, etc. Madison: The University of Wisconsin Press 232 p.

Поступила в редакцию 15.04.15

I.V. Morozova

**AMERICAN WOMEN'S TRAVELOGUE OF THE XVII–XVIII CENTURIES:
AT THE ORIGIN OF AMERICAN NATION**

The article presents an interdisciplinary research of a travelogue as the first national literary genre. Major American cultural concepts are stated in the framework of the genre, as well as the prepotent themes and images. The research examines travel journals of the 17–18th centuries written by American women – M. Rowlandson, E. Ashbridge, S. Night, and E.H. Trist. The process of self-identification in new social, cultural and nature realities is the keynote of their writings. Physical travel turns to be a metaphorical remove to a high moral level.

Written in different periods of time by the representatives of different social levels, women travelogues demonstrate common basic principles in depicting their travels with the Civilization/Wildness opposition as the center point of the discourse. Nature, in its turn, became an object of acquisition and expansion.

Keywords: the USA literature, travelogue, women literature, self-identification.

Морозова Ирина Васильевна,
доктор филологических наук, профессор кафедры
сравнительной истории литератур
Институт филологии и истории,
Российский Государственный Гуманитарный Университет
125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6
E-mail: irinamoro@gmail.com

Morozova I.V.,
Doctor of Philology, Professor at Department
of literature and comparative literature history
Institute of Philology and History
Russian State University for the Humanities
125993, Russia, Moscow, Miusskaya sq., 6
E-mail: irinamoro@gmail.com